

ОБРАЗ МОРЯ В ПОЭЗИИ ШАРЛЯ БОДЛЕРА

Д. А. Базыльчик

Белорусский государственный университет, г. Минск;
bazylchik03@mail.ru

науч. рук. – Е. А. Климович, канд. филол. наук

В статье исследуется образ моря в лирике Шарля Бодлера. Анализируются темы и идеи, реализуемые посредством данного образа, взаимодействие лирического героя с объектами, составляющими общую картину морского пейзажа, раскрывается их значение в различных ситуациях, а также уделяется особое внимание пониманию поэтом бесконечности и в её взаимосвязи с образом моря.

Ключевые слова: французская литература; проклятые поэты; художественный образ; амбивалентность; мотив побега; лирический герой.

Шарль Бодлер является одной из самых значимых фигур французской литературы XIX века. Войдя в число «проклятых поэтов», писатель оставил на страницах собственных дневников и сборников стихотворений уникальное осмысление окружающего мира со всей горечью и печалью. В сложной системе образов Бодлера, включающей в большинстве своём разнообразные городские декорации, значительно выделяются образы моря, волн и кораблей. Ни один пейзаж не завораживает лирика настолько, насколько это делают волны. Однако морская тематика не является очевидной, так как Ш. Бодлер почти всю жизнь провёл в городской суеде, а бодлеровский Париж (его салоны и атмосфера) до сих пор удерживает особый флёр тех времён даже при современном прочтении. Тогда возникает закономерный вопрос: откуда возникло море и почему оно оставило большой отпечаток в творчестве «городского» писателя?

Ключевым моментом, связанным с морем, в жизни поэта стало путешествие в Индию. После окончания учёбы Ш. Бодлер отказывается получать юридическое образование, как этого хотела семья, ведёт разгульный образ жизни, за что отчим и мать писателя отправляют его в Индию, в так называемую «исправительную поездку». Пять месяцев, проведённых в плавании, можно охарактеризовать как момент духовного кризиса писателя. Переживания, связанные с ухудшением отношений с матерью и заражением сифилисом, в дальнейшем повлияли на многократное воспроизведение Бодлером образа моря с грустными, депрессивными оттенками. Не доплыв до Индии, поэт возвращается в Париж, однако это морское путешествие окажет большое влияние на его творчество.

Кроме личных переживаний, есть ещё одна немаловажная причина, по которой поэт уделял внимание образу моря. Писатель сам объясняет её в своём дневнике «Моё обнажённое сердце» («*Mon cœur mis à nu*»). Ш. Бодлер называет море «уменьшенной бесконечностью», то есть морская гладь и волны – это самый подходящий из всех возможных вариантов изобразить в сознании человека бесконечность, дать достаточное представление о ней, нужное автору для раскрытия своих мыслей: «Почему созерцание моря всегда

доставляет бесконечное удовольствие? Потому что море дает нам понятие одновременно и о движении, и о безмерности. Шесть или семь лье представляются нам отблеском бесконечности. Такая уменьшенная бесконечность. Ну и что? – ведь этого достаточно, чтобы дать нам представления о бесконечности абсолютной. Двенадцать или четырнадцать лье (в диаметре), двенадцать или четырнадцать лье волнующейся влаги – этого достаточно, чтобы внушить самое высокое понятие о прекрасном, какое только доступно человеку в его временной земной обители» [1, с. 30–31].

Однако море в понимании Ш. Бодлера приобретает довольно противоречивые коннотации и далеко не всегда соотносится с категорией прекрасного. Как и всё в лирике поэта, образ моря амбивалентен. Очень показательным в этом плане будет замечание Г. К. Косикова о том, что в стихотворении «Человек и море» («*L'homme et la mer*») Ш. Бодлер утверждает «симпатическое сродство между непроницаемой водной стихией и таинственной сокровищницей человеческого духа» [4, с. 21], а в сонете «Наваждение» («*Obsession*») поэт выражает ненависть к этому же родству: «Будь проклят, Океан! Твой бунт, твои восстанья / Мой дух в себе обрел! И горький смех людей, / Поруганных людей, смех боли и рыданья / В безмерном слышится мне хохоте морей» (Пер. Л. Остроумова) [3, с. 116].

Подобную двойственность можно наблюдать и в стихотворении «Confiteor художника» («*Le confiteur de l'artiste*») из сборника «Парижский сплин» («*Le spleen de Paris*»). Сначала Ш. Бодлер пишет, что погрузить взгляд в необъятный простор неба и моря – огромное наслаждение, но далее заявляет: «Бесстрастная морская гладь, незыблемость этого грандиозного зрелища представляются мне возмутительными...» (Пер. Н. Столяровой) [2, с. 23–24]. Помимо противоречивого отношения, в данном произведении раскрывается один из основных аспектов изображения образа моря в творчестве Ш. Бодлера – бесконечность. На протяжении всего творчества поэт обращается к анализу безмерности моря, часто рассуждает о том, какие эмоции она может вызывать при разных обстоятельствах: от страха до приятного умиротворения. В данном стихотворении море выступает как образ мысли лирического героя, способ выразить с помощью контраста размеров собственное «я» (затерянность его среди морской глади): «Маленький парус, дрожащий на горизонте, в своей крохотности и затерянности схожий с моим непоправимым существованием, монотонная мелодия прибоя – обо всех этих вещах я мыслю, или они мыслят мною (ибо в огромном пространстве грез «я» теряется мгновенно)» [2, с. 23–24]. Нередко именно образ моря становится способом лирического героя выразить себя. Например, в стихотворении «Приглашение к путешествию» («*L'invitation au voyage*») Ш. Бодлер создаёт из Бесконечности, которая в свою очередь тождественна морю («... влечешь их к морю, которое есть Бесконечность» [2, с. 45–47]), отдельный мир. Указывая на то, что герой отправляет свои мысли «из Бесконечности», будто какие-то письма, автор подчёркивает, что действующее лицо находится в этой бесконечности и именно состояние этой бесконечности определяет порождаемые мысли. Если в первом стихотворении монотонность моря,

невозможность его измерить вызывали страх, ощущение ничтожности лирического героя, то во втором – спокойствие, ощущение родного. Вновь наблюдается амбивалентность этого образа: герой восхищён безграничностью, погружается в неё, однако велик страх затеряться там. В стихотворении «Человек и море» как раз и подкрепляется мысль о том, что человеку легко увлечься и утонуть в бескрайности стихии. Фокус смещается с созерцания бесконечности на созерцание противостояния лирического героя этой стихии.

Немаловажную роль для раскрытия образа моря играет и окружающий пейзаж. Как правило, Ш. Бодлер уделяет много внимания детализированию общей картины, поиску разнообразных способов для подчёркивания силы моря, его величия. Таким образом, морской пейзаж у поэта в основном включает гавань, остров, далёкий горизонт, а при описании кораблей уделяется особое внимание именно парусам, что подчёркивает ветреность, лёгкость пространства, а соответственно, и образа мысли.

Гавань автор использует, чтобы выделить спокойствие морского образа, демонстрируя безопасность конкретного места среди пугающего хаоса (стихотворения «Гавань» («*Le port*»), «Экзотический аромат» («*Parfum exotique*»)). При описании кораблей писатель часто акцентирует внимание на их размере и их соотношении с окружающими объектами. Для достижения максимального эффекта лирик пользуются синекдохой, показывая наличие судна лишь за счёт парусов или мачт («Я вижу порт, что полн и мачт, и парусов» (Пер В. Я. Брюсова) [3, с. 42]), что не только наделяет море человеческим присутствием, но и указывает на надежду начала движения или же его продолжения, на стремление за мечтой. Размеры кораблей также оказывают сильное влияние на восприятие читателем моря в целом: небольшие размеры судна автор использует при демонстрации беспокойности волн, сокрушительной силы стихии в сравнении с человеком, а огромные размеры кораблей подчёркивают спокойствие морской глади, её величественность и последовательность.

Остров и линия горизонта дополняют картину метафорой мечты, стремлением вперёд, а также смягчают резкие волны моря. Суша, представленная островом, однако, имеет два полярных значения: преграда и мечта. Значение препятствия на пути моряка интерпретируется в первую очередь как некое торможение движения. Ш. Бодлер делает из острова, появившегося на горизонте, инородное тело среди морского пейзажа, придаёт значение плохого знака на пути путешественника, потому что остров нарушает бесконечность моря, является тем, что мешает «полёту» мысли, мешает её продвижению вперёд («О, жалкий сумасброд, всегда кричащий: берег! / Скормить его зыбям иль в цепи заковать, – / Безвинного лгуна, выдумщика Америк, / От вымысла чьего еще серее гладь (пер. М. И. Цветаевой) [3, с. 211–217]). Особенно выделяется такое значение в стихотворении «Уже!» («*Déjà!*»), когда лирический герой испытывает печаль при виде берега, ведь это означает для него разрыв с несравненной красотой моря, в то время как остальные пассажиры судна радуются.

Значение мечты остров приобретает в произведениях, затрагивающих мотив «побега из реальности» (стихотворения «Приглашение к путешествию», «Плаванье» («*Le voyage*»), «Экзотический аромат»). Остров в таких случаях становится сном наяву, способ добраться к которому лежит через постижение морских волн. Также важной составляющей является побуждение к движению, то есть побуждение к выходу в открытое морское пространство, что, в свою очередь, также воплощает собой некую мечту, которую сознание путешественника не может до конца вместить.

Мрачную сторону моря Ш. Бодлер, как правило, не обременяет дополнительными элементами пейзажа. Подчёркивая безысходность, отсутствие суши, писатель создаёт тяжёлую атмосферу морских плаваний, принуждая стихию взаимодействовать саму с собой, что проявляется в описании бушующих волн, пугающей глубины, непредсказуемости моря и его безграничности. Дополняя описание моря отражением неба в волнах, слиянием линии горизонта, автор достигает размытия границ, фактически их убирает. При выражении печального настроения моря поэт часто использует прилагательное «горький» («*amer*»). Например, в стихотворениях «Человек и море», «Альбатрос» («*L'albatros*»), «Плаванье» горечь морских волн указывает на ощущения лирического героя среди моря. Горький вкус воды подтверждает способность морской бесконечности поглощать человека. Лирический герой чувствует вкус волны, погрузившись в неё.

Отдельно следует отметить, что, реализуя тему предназначения творца, писатель также выбирает образ моря. Стихотворение «Альбатрос» несёт в себе идею о том, что поэт сам выбирает путь к людям, хоть чаще всего они не понимают его величия. Определяя местом действия морской пейзаж, Ш. Бодлер точно передаёт мысль о бесконечных поисках творца. Тайны, которые несёт за собой море, невозможно открыть, однако надежда в данном случае оправдывает «альбатроса» в его поисках. Горькие пучины («*les gouffres amers*») нагнетают атмосферу, помогают выразить сокрушительную силу бесконечной стихии на пути творца. Для поэта море особенно важно, потому что именно эта стихия обладает невероятной способностью вмещать в себя всё, как это было описано позже Ш. Бодлером в стихотворении «Уже!»: «...cette mer si infiniment variée dans son effrayante simplicité, et qui semble contenir en elle et représenter par ses jeux, ses allures, ses colères et ses sourires, les humeurs, les agonies et les extases de toutes les âmes qui ont vécu, qui vivent et qui vivront!» [5, с. 90] («...морем, которое, казалось, заключало в себе и позволяло увидеть в своей игре, в своих переживаниях, в своих красках и улыбках чувства, муки и страсти всех душ, которые когда-либо жили, живут сейчас и будут жить впредь» (пер. Е. Баевской) [2, с. 79–81]).

Помимо всего упомянутого ранее, поэт причислял образ моря к категории прекрасного. С помощью морских сравнений (самая частая – это сравнение волос и морских волн) Ш. Бодлер описывает красоту женщины, выражает таким способом своё чувство любви: «*Tes cheveux contiennent tout un rêve, plein de voilures et de mâtures; ils contiennent de grandes mers dont les moussons me*

portent vers de charmants climats, où l'espace est plus bleu et plus profond, où l'atmosphère est parfumée par les fruits, par les feuilles et par la peau humaine» [5, с. 41] («В твоих волосах – воплощенная мечта, что заключает в себе паруса и снасти, и огромное море, чьи ветры уносят меня в чудесные земли, где пространство еще более синее и глубокое, где воздух благоухает ароматами фруктов, листьев и человеческой кожи» (пер. Эллиса) [2, с. 44–45]).

Итак, образ моря неразрывно связан с лирикой Ш. Бодлера. Поэт пользуется данным пейзажем для раскрытия самых разных тем и идей, где одной из ведущих является вопрос бесконечности. Лирик находит множество различных аспектов изображения моря и с их помощью доносит до читателя личные переживания, показывает амбивалентность данной стихии: «Подобно жрецу, у которого отнимали его бога, я не мог, без раздирающей душу горечи, расстаться с этим морем, столь чудовищно соблазнительным...» [2, с. 79–81].

Библиографические ссылки

1. *Бодлер, Ш.* Моё обнажённое сердце: статьи, эссе / Ш. Бодлер. – М.: Лимбус-Пресс, 2013. – 528 с.
2. *Бодлер, Ш.* Стихотворения в прозе (Парижский сплин). Фанфарлио. Дневники / Ш. Бодлер. – СПб.: Наука (Ленинградское отделение), 2011 – 252 с.
3. *Бодлер, Ш.* Цветы зла / Ш. Бодлер. – М.: Высшая школа, 1993 г. – 512 с.
4. *Косиков, Г. К.* Шарль Бодлер между «восторгом жизни» и «ужасом жизни» / Г. К. Косиков // Бодлер Ш. Цветы зла. Стихотворения в прозе. Дневники. Жан-Поль Сартр. Бодлер. – М.: Высшая школа, 1993. – С. 5 – 40.
5. *Baudelaire, Ch.* Le spleen de Paris. Petits poèmes en prose / Ch. Baudelaire – Paris : Garnier frères, 1968. – 128 p.